

УДК 332.01

РЕГИОНАЛЬНАЯ АСИММЕТРИЯ УСЛОВИЙ КАПИТАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Желудкова Т. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: reutov@ie.u.cfu.ru

В данной статье рассматриваются основные причины диспропорций капитализации человеческого потенциала страны. На основе аналитических конструкций выявлены внутренние и концептуальные проблемы в динамике развития отечественной модели высшей школы. Проведена экспертная оценка возможных трендов социальной трансформации при сохранении реализуемой концепции развития условий накопления и капитализации человеческого потенциала.

Ключевые слова: региональная специфика высшей школы, инновационная модель, территориальная дифференциация, конкурентоспособность высшего образования, человеческий потенциал, человеческий капитал.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях геополитических и геоэкономических изменений поиск новых триггеров инициации инновационного развития экономики страны требует переосмысления роли и значения элементов модели инновационной спирали. Особое место в капитализации человеческого потенциала России занимает высшая школа, однако ее структурные компоненты асимметричны и вносят непропорциональный вклад в развитие регионов и субъектов страны. Необходим поиск причин и трендов указанной диспропорции для формирования стартовых условий и обоснованной концепции преобразования реализуемой модели развития.

Попытки выявить причины очевидного несоответствия имеющегося уровня человеческого потенциала неоднократно предпринимались представителями отечественной неинституциональной научной школы (А. А. Аузан, Н. К. Орефьев, М. А. Гершман и др.) и экономической социологией (Т. Ю. Барсукова, В. В. Радаев и др.), однако в рамках региональной экономики такие исследования все еще остаются вторичными (Н. В. Зубаревич, А. А. Щеглова и др.). Вариативные методологические подходы к определению человеческого капитала как экономической категории (а также принципам его формирования и использования), актуализируют междисциплинарные исследования данной проблематики.

Принципиально значимыми становятся приоритетные инструменты государственного воздействия на региональные модели социально-экономического развития конкретных субъектов страны, позволяющие формализовать направленность региональной экономической политики или на накопление и развитие человеческого потенциала или на формирование инфраструктуры для его капитализации.

Цель статьи – комплексно рассмотреть причины региональной асимметрии условий капитализации человеческого потенциала страны и выявить альтернативные

варианты ее нейтрализации в современных условиях обострения глобальных вызовов и угроз.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

По результатам мониторингового исследования аналитиков Всемирного банка, доля человеческого капитала в национальном богатстве России равна 46 % (в странах ОЭСР в среднем – 70 %), в связи с чем специалистами банка сделан неутешительный вывод о том, что при сохранении таких темпов роста стране понадобится полвека для преодоления указанной разницы в показателях [1, с. 9]. С учетом продолжающегося роста разрыва между темпами роста оплаты труда и ростом его производительности [2], объясняемых тесной корреляцией между показателями человеческого и инновационного развития [3; 4; 5], становится востребованным поиск потенциальных источников преобразования человеческого потенциала страны в его капитализированный формат.

В сравнении со странами–лидерами, Российская Федерация все еще демонстрирует нехарактерно низкие показатели инноваций при достаточно высоком индексе человеческого развития (табл. 1). Попытки поиска источника столь парадоксального применения ресурсов инноваций (рис. 1) позволяет констатировать, что инновационное обеспечение роста конкурентоспособности экономики страны не обеспечивается из-за слабости соответствующих институтов, инфраструктуры и результатов конверсии креативной деятельности (без которых эффективное промышленное производство и инновационный путь развития будут оставаться на минимальном уровне). А сам востребованный переход к производствам шестого технологического уклада «сталкивается» со структурной, технологической, территориальной, институциональной и иными «факторными ветвями» противодействия, что значимо минимизирует любые частные инициативы изменения статус–кво.

Приоритеты российской государственной политики по развитию науки и инноваций, сформированные под влиянием неоклассической парадигмы, необходимо пересматривать, как причину невозможности преодоления «эффекта гистерезиса» при сохранении статус–кво. Сторонники теории «эффекта колеи» связывают траекторию движения страны не только с качеством институтов, но и с социокультурными факторами. Опыт успешных модернизаций показывает, что «сдвиги в социокультурных характеристиках осуществляются не за 100, а за 10–20 лет, если, конечно, ведется определенная образовательная и культурная политика» [7, с. 5]. На наш взгляд, и социокультурные, и организационно-правовые истоки, связанные с формальными институтами, оказываются в настоящий момент в едином проблемном поле. В контексте рассмотрения актуализируется концепция Д. Асемоглу и Дж. А. Робинсона [24], о ведущей роли двух типов (экстрактивных и инклюзивных) экономических и политических институтов для развития стран.

Таблица 1

Сопоставление стран по уровню инновационного и человеческого развития

Страна	Индекс человеческого развития	Глобальный инновационный индекс
Китай	0,761	54,8
США	0,926	61,3
Япония	0,919	54,5
Германия	0,947	57,3
Россия	0,824	36,6
Великобритания	0,932	59,8
Франция	0,901	55,0
Южная Корея	0,916	59,3

Источник: составлено автором по данным [25; 26]

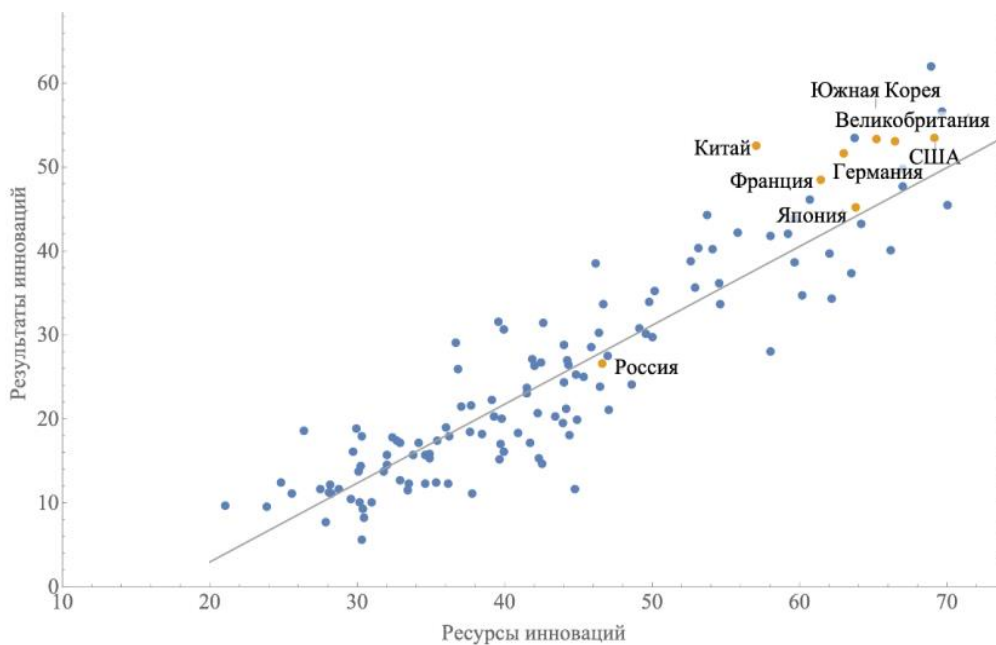

Рисунок 1. Корреляция ресурсов и результатов инновационной деятельности по странам [6, с. 152]

Востребованный для нашей страны переход к секулярно-рациональным ценностям и ценностям самовыражения блокируется усиливающейся поляризацией интересов двух практически равновеликих сегментов российского социума: первого (с долей 50 %), с преобладанием ценности следования указаниям «свыше» над ценностью инициативного солидарного действия и незначительной активностью к самовыражению; и второго, (с долей в 46 %), разуверившегося как во внешних (идуших сверху, «вертикальных»), так и во внутренних («горизонтальных»)

источниках активности (при одновременной ориентации на третий класс по четырем показателям: национальная гордость, поддержка уважения к власти, ощущение несчастья и недоверие к людям) [8].

Седьмая волна исследования мировых ценностей (WVS7) подтверждает упомянутую гипотезу и свидетельствует о сохранении ориентации социально-культурного кода россиян на традиционные ценности при одновременном ежегодном росте стремлений к самовыражению [9]. Доказательно обосновать (основываясь только на основе имеющегося у автора доступа к массивам статистических данных) занятость именно представителей третьего ценностного класса исключительно в рамках креативной экономики страны не представляется возможным, однако (если исключить «вспомогательный персонал» из структуры креативного трезубца), динамика доли занятых в креативной экономике России (рис. 2) и представителей третьего класса ценностной ориентации оказываются очевидно сопоставимыми. Следовательно, допустимо предположение о креативной генерации экономических инициатив именно с их стороны.

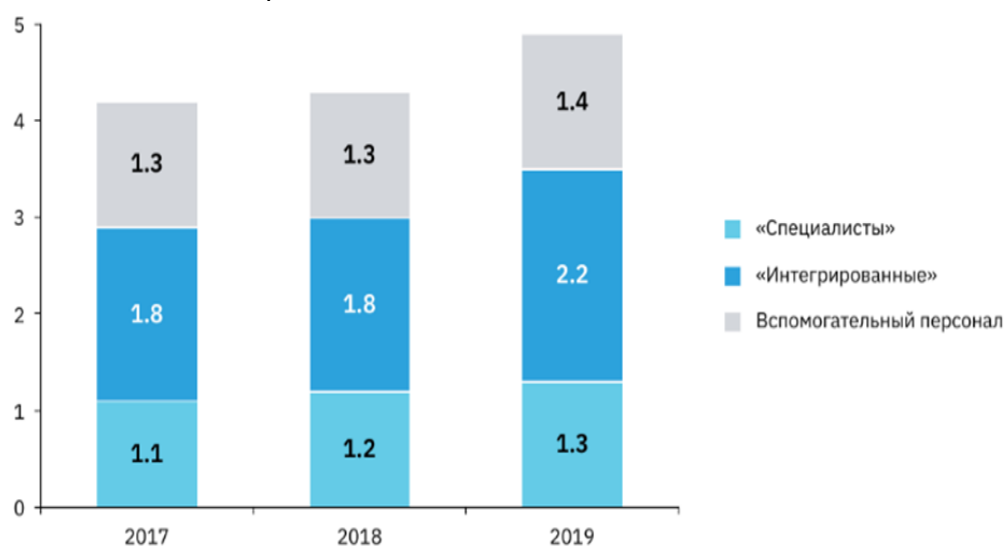

Рисунок 2. Структура занятых в креативной экономике России, млн чел. [10, с. 7]

Для оценки и сопоставления стран по уровню человеческого капитала с 2019 г. в методологии ООН используется оценка трех компонент: здоровье, образование и экономические условия [11], однако результирующий показатель («Индекс человеческого развития») не способен учитывать различия в развитии социума конкретной части территории страны, а, тем более, дифференциацию в развитии человеческого капитала различных социальных групп.

Неравномерность воспроизводственных процессов человеческого капитала на всех уровнях (макро-, мезо- и микро-) Российской Федерации, выявленная целевыми исследованиями по субъектам страны [12; 13], позволяет детализировать состояние и

динамику выявленных трендов при востребованном пересмотре региональной политики социально-экономического развития.

Опираясь на расчетную дифференциацию федеральных округов страны по ИЧР и ИЧЖ (табл. 2), трактуемому авторами второго подхода как:

$$\text{ИЧЖ} = \prod_{i=1}^N (\text{age}_i + a_i)^{d_i}, \quad (1)$$

где N – общее количество интервалов в таблице смертности; $\text{age}_i + a_i$ – среднее число лет, которое проживает человек, умирающий в возрастах от age_i до age_i+1 ; d_i – доля умерших в возрасте от age_i до age_i+1 от общего числа умерших [14], различия двух подходов становятся очевидными.

Таблица 2

Сопоставление федеральных округов Российской Федерации по индексу человеческого развития и индексу человеческой жизни

Индексы	Значения по федеральным округам							
	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УрФО	СФО	ДФО
Индекс человеческого развития (РФ в целом, – 0,824)	0,846	0,834	0,801	0,794	0,805	0,841	0,796	0,810
Индекс человеческой жизни (РФ в целом, – 72,0)	73,0	72,5	72,4	73,5	71,7	71,4	70,4	70,0

Источник: составлено автором по данным [12, с. 892; с. 897]

При анализе динамики ИЧР (с 2015 по 2021 годы) становится очевидным, что верхняя половина рейтинга довольно стабильна, в отличие от нижней, где устойчивым «аутсайдером» на протяжении почти всего периода являлся Сибирский федеральный округ (а с 2016 года тревожная нисходящая динамика наблюдается и в Северо-Кавказском федеральном округе). Динамика ранжирования округов по ИЧЖ свидетельствует об абсолютно иных тенденциях: практически бессменным лидером является Северо-Кавказский федеральный округ; в группу лидеров также входят Центральный, Южный и Северо-Западный федеральные округа; практически бессменными «аутсайдерами» являются Сибирский и Дальневосточный федеральные округа, а группу «системно приближающихся к ним» образуют Уральский и Приволжский федеральные округа. И даже при условии оптимистичной долгосрочной сходимости между федеральными округами (при моделировании динамической тенденции с полиномиальным трендом) различия между федеральными округами сохраняются (хотя и пошагово минимизируются) и группы «лидеров» и «аутсайдеров» по показателю индекса человеческой жизни остаются фиксированными.

Значительная дифференциация наблюдается не только на уровне федеральных округов (в состав которых могут входить регионы с изначально весьма различными

РЕГИОНАЛЬНАЯ АСИММЕТРИЯ УСЛОВИЙ КАПИТАЛИЗАЦИИ...

показателями смертности и ОПЖ), но и на уровне самих регионов (рис. 3), абсолютное большинство наиболее благополучных из которых сосредоточено в европейской части страны. Допустим вывод о том, что доход региона не является однозначным предиктором ни низкого уровня неравенства в показателях смертности и ожидаемой продолжительности жизни его населения, ни индикатором, гарантирующим благоприятные условия капитализации человеческого потенциала территории.

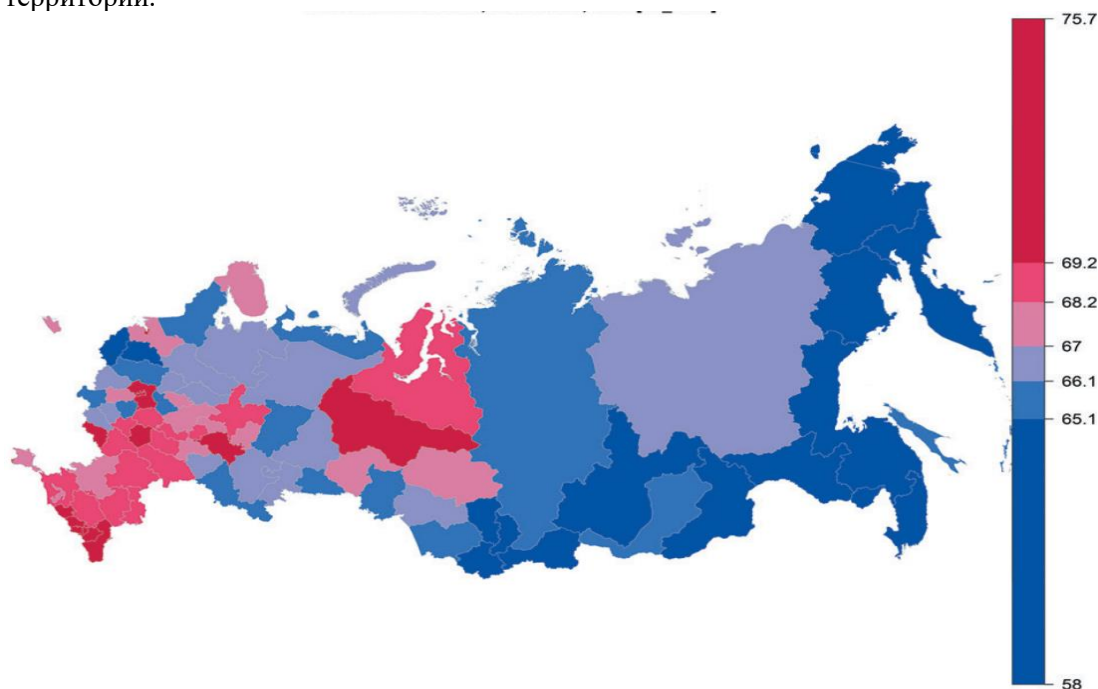

Рисунок 3. Значения ИЧЖ по регионам Российской Федерации [15]

На региональном уровне в стране наглядно реализуется так называемый «эффект Матфея», при котором высокие показатели развития и использования человеческого капитала наблюдаются лишь в тех регионах, которые демонстрируют высокий уровень социально-экономического и инновационного развития (на фоне преобладания крупных агломераций и концентрации других видов капитала). Эти же регионы демонстрируют более быстрый и качественный рост на основе фрагментарного использования технологий шестого уклада.

Аналогичные выводы были получены и рабочей группой Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации (рис. 4), выявившей предметное несоответствие в структуре человеческого развития по регионам страны, при котором лишь «20 % населения страны (28,7 млн человек) живет в регионах с высоким значением ИЧР (выше 0,88), в то время как 8 % населения страны (12,2 млн человек) – с низким значением ИЧР (ниже 0,82) и 9,72 % населения России (105,8 млн человек) живет в регионах со средним уровнем человеческого развития» [22, с. 8].

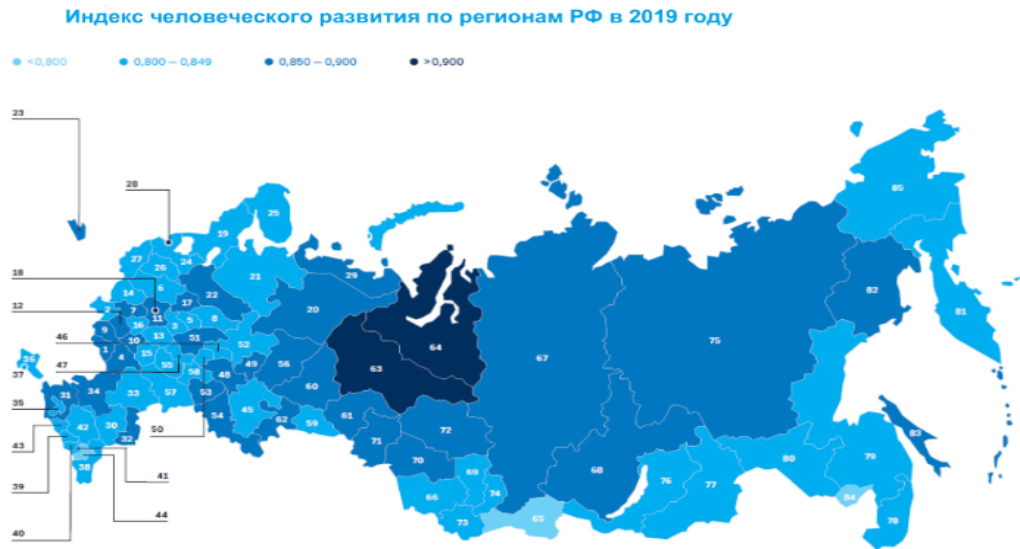

Рисунок 4. Значения ИЧЖ по регионам Российской Федерации [22]

Бессистемность и декларативно-индексный подход стратегического планирования региональной политики из федерального центра на уровне регионов–аутсайдеров ведет к тому, что там наблюдается усиливающееся истощение человеческого капитала (вполне объяснимое из-за отсутствия центров притяжения капитала, релокацией высокотехнологичных производств в другие регионы, отсутствием инфраструктурного обеспечения условий реализации человеческого капитала и широким применением технологий пятого и четвертого укладов).

Полагаем необходимым отметить, что рассмотренные индексы и показатели не позволяют однозначно выявить всех причин отсутствия полноценных условий конвертации человеческого потенциала в формирование и реализацию инновационной модели развития российской экономики, однако с полной очевидностью фиксируют востребованность выработки жизнеспособной гипотезы о взаимодействии формальных и неформальных институтов, вытекающей из количественных сопоставлений, и позволяющей разработать реальную модель преобразований.

С учетом того, что именно образование и здравоохранение являются двумя фундаментальными составляющими человеческого капитала, признаваемыми в качестве таковых практически всеми исследователями [12, с. 889] и стремясь к поиску потенциальных триггеров роста человеческого капитала, мы использовали многообразие моделей инновационных спиралей (табл. 3).

Предполагаемое взаимодействие между акторами моделей (например, университетами, занимающимися фундаментальными научными исследованиями; бизнесом, создающим ценности и государственным управлением, которое выполняет функцию координации, регулирования и контроля [16]), фиксирует, на наш взгляд, не только отсутствие действенных «дуальных зон синергетического эффекта» для

РЕГИОНАЛЬНАЯ АСИММЕТРИЯ УСЛОВИЙ КАПИТАЛИЗАЦИИ...

вовлеченных элементов, но и практически полное отсутствие «единого пространства синергетического эффекта» для всех акторов системы.

Таблица 3

Сравнительный анализ инновационных моделей тройной, четверной и пятерной спиралей

Наименование элемента сравнения	Тройная спираль (Triple helix model)	Четверная спираль (Quadruple Helix model)	Пятерная спираль (Quintuple Helix model)
Элементы модели (спирали)	- Государство - Университеты (образовательная и научная среда) - Бизнес	- Государство - Университеты (образовательная и научная среда) - Бизнес - Общественность (в том числе средства массовой информации, культурное сообщество и пр.)	- Государство - Университеты (образовательная и научная среда) - Бизнес - Общественность (в том числе средства массовой информации, культурное сообщество и пр.) - Естественная среда общества (экология: окружающая среда, видовое разнообразие и пр.)
Этап промышленного развития (революции)	Индустрия 3.0 (информатизация, автоматизация производственных процессов)	Индустрия 4.0 (цифровизация)	Индустрия 5.0 (дальнейшая технологизация и цифровизация имеет гуманистическую направленность: рост качества жизни, развитие социальной ответственности, обеспечение устойчивости, сохранение и восстановление потенциала окружающей природной среды)
Этап развития экономики и общества, на который опирается модель	Экономика знаний	Общество знаний и становление демократии знаний	Развитие демократии знаний и социально-экологический переход к устойчивому развитию
Основа инновационной модели	Линейная инновационная модель, нелинейная инновационная модель	Инновационная экосистема	Разнообразие моделей, подходов, концепций как основа демократии знаний
Характер исследований (доминирующий подход)	Мультидисциплинарный	Междисциплинарный	Междисциплинарный и трансдисциплинарный
Тренды	Технологические инновации	Управленческие инновации	Эко-инновации и социальное предпринимательство

Источник: составлено автором по материалам [16]

Складывается впечатление, что каждый из элементов инновационной спирали в нашей стране реализует собственную стратегию развития, абсолютно не совпадающую ни по целям, ни по задачам с приоритетами остальных элементов. Очевидно, что при таком развитии событий неоправданно ожидать, что реализуется импульс взаимно-поддерживающей модели, генерирующей синергетический эффект. Наличествует и очевидная дифференциация между сегментами одного элемента, например, применительно к университетам: дифференциация по особому статусу ВУЗа (табл. 4), на которые приходится порядка 27 % выпускников бакалавриата и специалитета, а также 43 % выпускников магистратуры [17, с. 32].

Такая неоднородность качества высшего образования между ВУЗами с особым статусом остальными (усугубляя выявленные различия в уровнях и тенденциях развития человеческого потенциала конкретных регионов) приводит к несопоставимости в возможностях трудоустройства выпускников (табл. 5). Наибольшую настороженность, на наш взгляд, вызывает минимальная (в сравнении с другими) доля трудоустроившихся выпускников федеральных ВУЗов. Дело в том, что происходящее сейчас с нынешними студентами отражает то, что через 10–15 лет будет происходить со страной и (если принять за данность допуск о том, что университет производит элиты, а образовательные компетенции могут воздействовать на формирование ценностей будущих элит и среднего класса), то становится очевидной социальная асимметрия, уже сегодня формирующаяся в высшей школе.

Отечественные вузы фактически сталкиваются с дилеммой: неочевидный и сложно реализуемый в настоящих условиях выбор модели интернационализации образовательного процесса (с вовлеченностью в глобальное образовательное пространство и принятием международных правил игры) или различной по степени автономизацией национального образовательного пространства (с очевидным риском в течение 10–15 лет превратиться в образовательный арьергард [20, с. 5]). Геоэкономические и геополитические изменения 2022 года, естественно, минимизируют доступные альтернативы, однако не отрицают того факта, что изоляционизм не будет способствовать инновационной ветви развития технологий образовательного процесса.

В экспертном сообществе присутствуют и абсолютно пессимистические оценки, согласно которым не очень верится в то, что в краткосрочном и даже в среднесрочном периоде страна сможет совершить какие-то прорывы, в силу чего необходимо набраться терпения и ориентироваться на долгосрочную перспективу, потому что без этого невозможен «выход из колеи» [7, с. 16]. Вне зависимости от субъективного отношения к приведенным экспертным оценкам, перспективы сохранения ныне действующей модели представляются крайне малоэффективными для будущего страны. Негативный характер влияния реализуемой модели и при ее изменении будет иметь мультипликативный эффект на ближайшие десятилетия, так как выпускники нынешней высшей школы страны уже занимают уровень среднего менеджмента на рынке труда (а в ближайшие годы будут присутствовать в значительной доле и в верхнем уровне управления).

Таблица 4

Характеристики трудоустройства выпускников в зависимости от статуса образовательной организации

ВУЗы	Бакалавриат/специалитет			Магистратура		
	Доля в общем выпуске, %	Доля трудоустроенных выпускников, %	Средняя заработная плата, тыс. руб.	Доля в общем выпуске, %	Доля трудоустроенных выпускников, %	Средняя заработная плата, тыс. руб.
НИУ	8,7	75,1	73,4	15,6	81,7	100,1
Вузы – участники проекта «5–100» и МГУ	8,9	71,8	72,2	17,5	78,8	97,1
Федеральные вузы	4,8	68,5	52,4	8,8	75,6	60,1
Опорные вузы	8,7	73,1	51,5	9,9	80,5	61,8
Остальные вузы	72,8	69,2	52,7	57,3	76,4	70,6

Источник: Мониторинг трудоустройства выпускников, 2021 [17, с. 33]

Таблица 5

Распределение выпуска бакалавриата/специалитета и магистратуры по направлениям подготовки и доле трудоустройства

Группа направлений подготовки	Бакалавриат/ специалитет		Магистратура	
	Доля в общем выпуске, %	Доля трудоустроенных выпускников, %	Доля в общем выпуске, %	Доля трудоустроенных выпускников, %
Математические и компьютерные науки	1,1	77,8	2,3	82,6
Естественные науки	2,3	72,8	5,2	82,0
Инженерное дело	26,3	76,6	31,0	83,9
Здравоохранение и медицинские науки	5,3	84,2	нет данных	нет данных
Сельское хозяйство	3,5	69,1	2,9	77,5
Экономика и управление	28,2	70,1	22,2	79,5
Юриспруденция	11,7	50,8	14,1	62,5
Другие науки об обществе	6,3	63,3	6,6	69,8
Образование и педагогические науки	9,4	75,7	8,7	81,3
Гуманитарные науки	3,5	63,6	5,4	71,5
Искусство и культура	2,4	60,0	1,5	69,3

Источник: Мониторинг трудоустройства выпускников, 2021 [17, с. 22]

В противовес концепции моделей инновационных спиралей из трех миссий университета – образовательной, научной и общественной (обозначающий вклад университетов в развитие общества) – наиболее сильной стороной отечественной высшей школы продолжает оставаться первая миссия. Однако конкурентные преимущества России в мировом образовательном пространстве в основном обеспечиваются за счет успешности участия студентов в международных олимпиадах, высокой доли иностранных студентов, а также разнообразия подготовленных онлайн–курсов. И в подтверждении ранее выдвинутого тезиса о значимой асимметрии результат обеспечивается сравнительно небольшим количеством университетов: победители и призеры олимпиад есть только у четверти российских участников (у 38 из 146 вошедших в рейтинг); свыше 95 % MOOK было подготовлено двадцатью лучшими университетами страны [19, с. 3].

Очевидная сиюминутность показателей конкурентоспособности, достигнутых исключительно за счет временного роста количественных показателей 30–40 отечественных ВУЗов (которые практически гарантированно будут минимизированы в условиях геополитических и геоэкономических изменений 2022 года), формируют риторический вопрос о конкурентоспособности остальных 680 институтов и университетов. Чрезмерное увлечение Минобра и элитных ВУЗов проектами, направленными на реализацию частных инициатив из «третьей миссии», оставляет за рамками акцентированного внимания «две первых». Такой подход ожидаемо приносит участвующим репутационные, имиджевые и финансовые дивиденды, но практически ведет отечественную высшую школу по (в настоящий момент повсеместно осуждаемому) европейскому сценарию: коммерциализация, стандартизация, массовизация и профессионализация (как уход от фундаментализма и энциклопедизма) [21, с. 23].

На фоне возросшей роли материального благосостояния в определении социального статуса (а также минимизации в этом качестве престижа профессии, образования и т. п.), и системной стагнации реальных доходов россиян ожидаемо растет запрос на общество социальной однородности (как оптимальную для России ее воспринимают свыше половины (53,6 %) россиян [18, с. 26]). Указанные тенденции свидетельствуют о быстрой делегитимизации существующей модели социальной структуры российского общества в общественном сознании [18, с. 23], что может привести к лавинообразному росту социальной напряженности. В рамках этих тенденций, на наш взгляд, востребован коренной пересмотр в первую очередь именно образовательной парадигмы, а не искусственное моделирование «третьей миссии» при дефрагментации системы высшего образования в абсолютном большинстве регионов страны.

ВЫВОДЫ

Выявленные проблемы в формах, путях и направлениях капитализации человеческого потенциала позволяют констатировать наличие очевидных региональных диспропорций в высшей школе. Слепое стремление к массовизации высшего образования не способно заменить обострившуюся необходимость

коренного пересмотра самой его модели. Попытки перенести фокус общественного внимания на частные инициативы «третьей миссии» не могут нивелировать усиливающейся диспропорции между ВУЗами с особым статусом и массой высших учебных заведений «второго эшелона».

И если негативные последствия реализации ныне реализуемой модели развития высшей школы остаются хоть сколь-либо прогнозируемыми, то официально декларируемые стремления построить принципиально новый формат не только не обсуждаются в профессиональном экспертном сообществе, но и не конкретизируются. Именно риски внедрения в образовательную среду непродуманных инициатив со слабопрогнозируемыми последствиями способны окончательно дестабилизировать процессы капитализации имеющегося человеческого потенциала регионов страны.

Список литературы

1. Найкал Э., Емельянова О., Немова В., Ланж Г.–М., Санги А. Насколько богата Россия? Оценка совокупного уровня благосостояния России в период с 2000 по 2017 годы (Русский) // Документы и доклады: Международный банк реконструкции и развития / Всемирный банк (2019). 62 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/russia/publication/how-wealthy-is-russia>
2. Sharpe A., Fard S.M. The Current State of Research on the Two-Way Linkages between Productivity and Wellbeing // ILO Working paper 56. 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ilo.org/global/publications/working-papers/WCMS_839845/lang--en/index.htm
3. Baily M.N., Montalbano N. Why Is US Productivity Growth So Slow? Possible Explanations and Policy Responses // Hutchins Center Working Paper 22. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/334SiW>
4. Jorgenson D.W., Ho M.S., Samuels J.D. Educational Attainment and the Revival of US Economic Growth // National Bureau of Economic Research, 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nber.org/papers/w22453>
5. Hulten C.R., Ramey V.A. Education, Skills, and Technical Change: Implications for Future US GDP Growth // The University of Chicago Press, 2019. 567 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://press.uchicago.edu/ucp/books/book/chicago/E/bo28393660.html>
6. Шумская Е. И. Критика неоклассических предпосылок современной экономической политики в контексте реализации человеческого потенциала // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 94. Октябрь 2022 г. С. 145–158.
7. Аузан А. А. «Эффект колес». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Сер. 6 (Междисциплинарные исследования). Экономика. 2015. № 1. С. 3–17.
8. Магун В. С. Руднев М. Г. Европейцы трех сортов // Новости науки в НИУ ВШЭ (4 апреля 2012 г.). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/news/science/50455872.html?ysclid=lbnevrvpr7272604986>
9. World Values Survey Wave 7: 2017–2022 // Online Data Analysis WVS7 (Russian Federation). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp>
10. Бредихин С. В., Власова В. В., Гаврилова Н. В., Гершман М. А., Гохберг Л. М., Демьянова А. В., Иванова И. А., Попова Я. А. Развитие креативных индустрий в России: ключевые индикаторы // Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала. Научный дайджест № 1, 2021. 21 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/333DA5>
11. Human Development Report 2019. Beyond income, beyond averages, beyond today: Inequalities in human development in the 21st century. United Nations Development Programme. New York, 2019. 366 p.
12. Шульгин С. Г., Зинькина Ю. В. Оценка человеческого капитала в макрорегионах России // Экономика региона. 2021. Т.17, вып. 3. С. 888–901.
13. Глазьев С. Ю., Воронов А. С., Кудина М. В., Орлова Л. Н. Прогноз развития человеческого капитала в Российской Федерации в условиях изменений в мировой экономике // Государственное

- управление. Электронный вестник Выпуск № 91. Апрель 2022 г. С. 24–44. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/336Ei6>
14. Ghislandi, S., Sanderson, W.C., Scherbov S. A Simple Measure of Human Development: The Human Life Indicator // *Population and Development Review*, 2019. № 45 (1), P. 219–233.
15. Регионы России на демографической карте мира // Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Издательство «Дело»; Международный Институт Прикладного Системного Анализа, 2019. 98 с.
16. Разинкина И. В. Развитие спирали инноваций: сравнительный анализ инновационных моделей тройной, четвертной и пятерной спиралей // *Экономические науки*. 2022. № 1 (206). С. 131–137.
17. Емелина Н. К., Рожкова К. В., Рошин С. Ю., Солнцев С. А., Травкин П. В. Выпускники высшего образования на российском рынке труда: тренды и вызовы // *Материалы XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества*, Москва, 2022 г.; НИУ «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 160 с.
18. Тихонова Н. Е. Субъективная стратификация российского общества: состояние, динамика, ключевые проблем (аналитический доклад) / Под науч. ред. Л. Н. Овчаровой. М.: НИУ ВШЭ, 2021. 38 с. [[Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/337x6o>
19. Московский международный рейтинг вузов «Три миссии университета» // *MosIUR The Three University Missions* (Ассоциация составителей рейтингов, рэнкингов и иных оценок эффективности), 2022. Москва. 56 с. [Электронный ресурс]. URL: https://mosiur.org/files/analytics/TMU2022-Rus_Web.pdf
20. Исследование SEDeC «Эпоха «гринфилда» в образовании» // Центр образовательных разработок Московской школы управления СКОЛКОВО (SEDeC). [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/h2m8C>
21. Васкевич Т. В. Генезис национальных систем высшего образования: путь к евроинтеграции // Диссертация на соискание учёной степени кандидата педагогических наук (13.00.01). Кубанский государственный университет. Краснодар, 2019. 222 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/335x4D>
22. Индекс человеческого развития в России: региональные различия // Аналитическая записка рабочей группы Аналитического центра при Правительстве РФ. Аналитические материалы АЦ при Правительстве РФ за декабрь 2021. 22 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/34Ciwt>
23. Кравченко Л. А., Троян И. А., Горячих М. В. Теоретические аспекты развития человеческого капитала в условиях креативной экономики // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление*. 2022. Т. 8 (74). № 3. С. 49–58.
24. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015. 693 с.
25. Human Development Report 2022 // UNPD [Электронный ресурс]. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI>
26. Global Innovation Index 2022 // WIPO [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/en/

Статья поступила в редакцию 14.04.2023